Молодой Грифон

Двадцать рук панкратиона, вытащили меня из моря, ползучая масса цепких рук подняла меня на нос надвигающегося корабля. Я сплюнул морскую воду и провёл рукой по намокшим волосам, осматривая палубу.

Галера была мелкой, едва ли пригодной для торговли – настоящая трирема легко бы затмила бы её. Даже Эос был немного больше. Это было судно, созданное для скорости и манёвренности, как в глубоких водах, так и на мелководных побережьях. Прекрасная гоночная девочка, несмотря на её потрёпанные паруса и скудные весла. Её киль был выкрашен грубыми мазками белой и синей красок, а в передней части я мог видеть её носовое украшение. Не фигура женщины или зверя. Но всего лишь одна цепкая рука.

По палубе прокатился крик, когда моё присутствие заметили. За вёслами сидели десять мужчин, по пять с каждой стороны, и все они дёрнулись при виде меня и заёрзали на своих скамьях. На их грязных лицах была жалкая смесь ужаса и надежды, когда они пытались убежать. К сожалению, они не могли далеко уйти. Они были прикованы к вёслам.

Работорговцы, управляющие судном, с грохотом понеслись по палубе в мою сторону. Я спрыгнул на неё, размял шею и устремился вперёд, навстречу им. Крылья моей пневмы раскрылись, покрывая судно.

Эос всё ещё оставался далёким пятном на горизонте. На нём лишь едва можно было различить силуэт человека, присевшего на носовой фигуре корабля.

Эос резко накренился, покачиваясь на воде, и человек исчез.

— Ну, это нечестно, — сказал я, широко раскинув руки. — У меня даже нет клинка! — Действительно, меч моего покойного дяди всё ещё оставался в ножнах на корабле моего кузена. Я был совершенно беззащитен перед этими морскими разбойниками.

Пират, который был ближе всех, когда я поднялся на борт, прорычал проклятие на незнакомом мне языке, в его правой руке был изогнутый копис, а в левой – плетёный кнут. Он взмахнул кнутом, пытаясь дезориентировать меня, край шнура поцеловал мой нос, и замахнулся мечом.

Тыльные стороны двадцати ладоней одновременно ударили его по щеке, отправив его, кручёным полётом, в океан.

— Кто-нибудь из вас недавно был в Олимпии? — спросил я, продолжая идти вперёд, в то время как остальные пираты, пошатываясь, остановились. Они настороженно смотрели на меня. — Я как раз собираюсь посетить это место и хочу извлечь из него максимум пользы. Есть какие-нибудь предложения?

К несчастью для меня, они не успели ответить. В этот же миг над кораблём пронеслась тень, и двое пиратов подняли голову как раз вовремя, чтобы быть разбитыми о палубу падающим Римлянином. Галера работорговцев покачнулась, когда Сол разрядил свою добродетельную технику в точку удара, остановив его импульс и пробив двух незадачливых пиратов сквозь доски. Он встал, размяв плечами.

— Мой дядя говорил, что есть две универсальные вещи, когда дело касается пиратов, — сказал Сол, протягивая пустую руку. Его добродетель позвала, и в его ладонь прыгнул клинок, подарок от одного из воров, которых он только что расплющил. — Они всегда жульничают в

кости и бесконечно жаждут сверх своего положения. Одно является симптомом другого. Наказание для обоих одинаково.

— Вы убиваете людей за то, что они жульничают в кости? — спросил я, сбитый с толку.

— Нет. Мы их распинаем.

Палуба застонала и треснула под весом гравитации, которой раньше здесь не было. Оставшиеся работорговцы, семеро сильных и вооружённых до зубов людей, упали на колени. Рабы навалились на весла, не в силах применить пневму для защиты от добродетели Римлянина. Их глаза дико вращались в голове.

— Вы распинаете людей, — повторил я. — За жульничество в кости.

Один из пиратов яростно заговорил, с трудом поднимая голову.

Сол нахмурился: «Что он сказал?»

— Просто принеси свои кости, и они не смогут жульничать, — рассуждал я.

— Они сказали это?

— Нет, Я сказал...

Хм.

Я удивлённо посмотрел вниз, на болт, торчащий из моего живота. Откуда он взялся? Я потрогал его для эксперимента и поморщился от резкой боли, которую он вызвал. Он был настоящим. Я услышал, как семеро работорговцев с рёвом бросились на Сола, надеясь одолеть одинокого культиватора, пока я был ошеломлён. Я прищурился на болт. Он вошёл в меня через спину.

Позади меня шатающаяся доска почти беззвучно опустилась на место. Я вдохнул, глаза закатились обратно в голову. Ой. Двадцать рук намерения панкратиона пробили палубу корабля, вытаскивая из-под неё бьющегося мальчишку. Он извивался как рыба, бесплодно пытаясь пнуть или куснуть руки моей души. Он был маленьким, примерно возраста Мирона, если прикинуть, и сжимал в руках самый причудливый лук, который я когда-либо видел.

Я прижал его к палубе и ударил по лицу двадцать раз своим намерением панкратиона, оставив его ошеломлённым. Я взял лук в руку, и когда он поднялся с ним, как прилипший коралл, я дал ему ещё двадцать пощёчин. Он упал назад, схватившись за лицо и застонав. Я отвесил ему пинок под зад, на всякий случай, и принялся осматривать его оружие.

Это был лук, но не лук. Он был закреплён на древке, а на конце древка находилась изогнутая скоба с деревянными рукоятками по обе стороны. Трос был прикреплён к скользящему механизму, который приводился в действие скобой на конце рукоятки. Я узнал дизайн. Однако я впервые видел такую вещь вживую. Это было грубое, неэффективное оружие для культиватора. Культ Розовой Зари не нуждался в таком орудии.

Хотя оно явно имело своё применение. Я бросил его в море, не обращая внимания на протестующий крик мальчика, и потянулся за спину. Я обломил заднюю часть древка, сделал ещё один вдох и одним быстрым движением выдернул стрелу спереди.

Мальчишка вскрикнул, когда мои руки панкратиона обрушили на его лицо дождь пощёчин.

Дерево разлетелось вдребезги, и корабль опасно покачнулся под моими ногами, делая чудесные вещи с моей раной. Никчёмный Римлянин. Если ты хочешь потопить корабль, то должен был сделать это с самого начала. Я пронёсся по палубе, поймав пирата руками панкратиона, когда тот метался в воздухе, и впечатал его в доски рядом с двумя другими.

Сол либо не торопился, либо ужасно плохо умел драться на движущемся корабле. Он орудовал незнакомым пиратским клинком с достойной ловкостью, парируя и отбрасывая в сторону сразу несколько лезвий, но его противники были умелыми на палубе. Они двигались между закованными в кандалы гребцами, нанося лишь короткие, ласковые удары и тычки.

Все они были слишком восприимчивы к добродетели Римлянина, впрочем, как и корабль.

— Мне пришло в голову… — Я сделал паузу, кашляя кровью. Как смущающе. Я схватил человека, который приближался к слепой зоне Сола, и перебросил его через поручни корабля. — Мы никогда не спрашивали этих людей об их намерениях, и вообще, нацелены ли они на Эос. Насколько нам известно, они могут быть вполне дружелюбными работорговцами.

— Безбородый мальчик-шлюха! — прошипел один из пиратов на своём мерзком языке, замахнувшись на меня кнутом. Я поймал его вокруг моей собственной руки из плоти и крови, крутанув запястьем и крепко сжав его. У пирата хватило ума отпустить кнут, когда я дёрнул назад, но это ему не помогло. Я хлестнул его концом рукоятки и раздробил ему зубы, отправив его кувырком на колени гребца.

Я закатил глаза: «Неважно».

Мы быстро расправились с остальными, и Сол тут же принялся разрывать цепи. Я откинулся на скамью, разглядывая наших пленников. Человек, которого я выбросил за борт, вскарабкался обратно на корабль и был быстро избит, а рыжеволосого мальчишку я поймал прежде, чем он успел спрыгнуть с корабля. Нетрудно было догадаться о его намерениях. Он нырял в направлении Эоса, наглый мерзавец.

Остальные наши пленники были либо полностью без сознания, либо близки к этому. Я всё равно держал их в уголке глаза – я уже получил поцелуй за моё высокомерие. Я не жаждал ещё одного.

— Кстати, кто дал тебе это? — спросил Сол, кивнув на мою рану. Я обвязал её излишками ткани, висевшей у меня на талии, чтобы остановить самое сильное кровотечение. Немного солёной воды, чтобы очистить её, и завтра я буду здоров и цел. А вот моя одежда…

Пиратский ребёнок взвыл, когда я нанёс ему дюжину панкратионовских пощёчин. К этому моменту его щеки были такими же красными, как и его волосы.

— Мальчишка? — спросил Сол. Его губы подёргивались.

— Гастрафет, — кисло поправил я его. — Мальчишке просто повезло держать его. Он прятался под палубой.

— Понятно, — сказал он, взяв в руки ещё один набор цепей и разорвав звенья. Его выражение лица было стоическим. Однако в его глазах я увидел веселье. — Просто не повезло, я полагаю.

— Я фыркнул, борясь с собственной улыбкой.

Когда последние рабы были отпущены, Сол скрестил руки и посмотрел на меня. Я поднял бровь.

— Я не говорю на их языке.

— И что ты хочешь, чтобы я им сказал? — спросил я, с любопытством. Мы сломали хребет работорговцам и, вероятно, обрекли их на смерть, освободив гребцов, которых они били как быков неизвестно сколько времени. Насколько я понимал, работа была сделана. Наш путь в Олимпию был снова свободен.

Сол оглядел собравшихся гребцов. Они склонили головы, когда его взгляд упал на них, бормоча благодарности и молитвы на языке, отличном от того, на котором говорили работорговцы.

— Скажи им, куда мы плывём. Спроси, не хотят ли они пойти с нами.

— Я не буду разбирать мой трон, — сообщил я ему. — Им придётся стоять. — Сол закатил глаза, махнув мне рукой. Я повиновался, повысив голос на их языке. — Слушайте меня, рабы. Мы с братом плывём в Олимпию. Кто из вас, собак, хочет быть свободным?

К нашему числу добавились десять человек и один борющийся мальчик-пират. Мы оставили работорговцев с их кораблём – в ближайшее время они за нами не поплывут. Пока мы проплывали расстояние между галерой работорговцев и Эосом, мой пленник брызгал слюной и ругался, когда мои руки панкратиона погружали его под волны больше, чем это было необходимо, я обратился к Римлянину, плывущему рядом со мной.

— Из-за костей?

http://tl.rulate.ru/book/93122/3161647